Я пришёл в себя, когда пакет с сэндвичем в моих руках зашуршал.

— Пока… вот, держи.

Отбросив удивление, Дэниел решил выполнить свои обязанности пассажира. Он развернул сэндвич и передал его так, чтобы было удобно есть. Алек без возражений принял его и откусил большой кусок. Похоже, он действительно был голоден.

Когда запах сэндвича разошёлся вокруг, я тоже почувствовал голод и развернул свой. Сначала я осторожно отправил кусочек в рот, но стоило сделать первый укус, как я мгновенно его уничтожил.

Дэниел наблюдал за Алеком в зеркале заднего вида. Кажется, его глаза едва заметно дрогнули…

— Ты выглядишь особенно уставшим. Ты в порядке?

— Я не настолько сонный, чтобы задремать за рулём, так что всё нормально.

Хотя Алек это и сказал, он выглядел самым измождённым, каким Дэниел когда-либо его видел. Область под глазами слегка потемнела.

Несправедливым было то, что даже с таким измождённым лицом его красота всё равно пробивалась сквозь усталость. Мужчина за рулём обладал настолько сильной харизмой, что мог заполнить собой весь «холст», просто сидя так.

Когда ветер проникал через приоткрытое для вентиляции окно, его тёмно-русые волосы мягко колыхались. Даже то, как он изящно вытирал салфеткой крошку перца в уголке губ, выглядело грациозно.

Убирая мусор и утоляя жажду, Дэниел снова и снова непроизвольно бросал в его сторону взгляды, а затем поспешно отворачивался.

«И правда ощущается, будто мы едем в поездку».

Хотя до трассы было всего тридцать минут пути, всё странным образом казалось приятным. Вот почему люди приезжают на Гран-при Сильверстоуна на автодомах? Дэниел решил расслабиться и просто плыть по течению, раз уж всё сложилось именно так.

Тоустер, недалеко от Нортгемптона, Англия.

Окрестности трассы Сильверстоун, известной как Мекка Формулы-1, представляли собой размытое небо, узкие дороги и кустарники высотой почти с плечо человека, что резко контрастировало с громкой репутацией автодрома. Если сказать мягко — это место было «близким к природе», если прямо — типичный непримечательный сельский пейзаж.

Заросшие травой поля, едва заметно облупившаяся разметка дорог. Видя характерные для Британии мрачно извивающиеся деревья, словно сошедшие со страниц «Матушки Гусыни», одиноко стоящие посреди поля, невольно задумываешься, кто вообще решил построить трассу Формулы-1 в такой пустынной равнине.

Однако именно поэтому Дэниелу это место и нравилось.

В редкие ясные дни, когда небо становилось ярким, открытые поля и свежая зелёная трава

казались настоящим подарком. Сегодня погода была ясной, и тревоги, которые ещё недавно не отпускали его, полностью исчезли, делая всё вокруг ещё приятнее.

Алек сказал, что хочет кофе, и остановил машину у придорожного кафе.

Пока Дэниел выбрасывал мусор, он вернулся с двумя чашками фильтр-кофе. Porsche выехал с парковки и снова вернулся на уединённую дорогу.

Дэниел сделал глоток кофе, в который добавил один кубик сахара, и спросил:

— Разве положение водительского сиденья не неудобное? Оно же справа?

— Водительское сиденье? …А, точно, в Германии ведь оно слева.

— Да. Я бы никогда к этому не привык.

— Я получил права здесь. Но в Бельгии водительское место тоже слева. Сначала было тяжело, но теперь я более-менее привык к обеим сторонам.

И действительно, машина, которой управлял Алек, двигалась плавно. Он не выглядел человеком, который часто сам садится за руль, но вёл машину неожиданно уверенно.

Пока я пристально наблюдал за тем, как Алек ловко переключает передачи левой рукой, наши взгляды встретились.

Он тихо приподнял уголки губ.

— Но здесь действительно почти нечего смотреть. Рядом с трассой Сильверстоун, наверное, есть отели… Разве пилоты обычно не останавливаются там?

— Потому что… я выбрался в город, чтобы сменить обстановку. Потому что, если остаюсь рядом с трассой, у меня от начинает слишком путаться голова.

Вместо того чтобы проглотить правду, Дэниел пожал плечами:

— Вчера, когда отвозил доктора Мику, я просто переночевал там. С сегодняшнего дня буду жить в ближайшем отеле…Тут и правда довольно пусто, но я не думаю, что это плохо. Мне даже нравится.

— Ты имеешь в виду, тебе нравится особое спокойствие Англии? Или сама природа?

— После европейского тура, когда побываешь в местах вроде Монако или Милана, где всё забито людьми, Сильверстоун даёт странное чувство свободы. Мне нравится эта открытость. И если выйти в маске и кепке, меня узнают гораздо реже.

— Чувство освобождения. И что ты делаешь, когда возвращаешься в отель?

— Просто отдыхаю. Делать особо нечего. Разве что фильм посмотреть.

— У тебя есть любимый фильм?

— Почему ты сегодня задаёшь так много вопросов?

— Потому что я понял, что тоже почти ничего о тебе не знаю, Дэниел.

Моргнув пару раз, Дэниел с запозданием издал восхищённый звук.

— …Ого, какой же ты бесстыжий, а? И кто это был, кто в прошлом месяце приказал своему секретарю проверить мою биографию?

— Это оказалось менее полезной информацией, чем я ожидал, а последствия были куда серьёзнее, поэтому я тоже сожалею. Я не думал, что Мартин в конце всё испортит.

— У этого парня вообще нет таланта к тайным расследованиям. Серьёзно.

— Я тоже так думаю.

Оба расхохотались одновременно, словно месяц назад их ссоры и напряжение исчезли. Было странно, как легко они могли шутить о том, что ещё в прошлом месяце вызывало у них ярость.

Дэниел откинул голову на спинку сиденья и глубоко задумался.

— Любимый фильм… любимый фильм…

— У тебя нет такого?

— Наоборот. У меня их много. Ты знаешь режиссёра Ридли Скотта? Он известен по фильмам «Бегущий по лезвию» и «Чужой».

— Кажется, слышал о нём. К тому же разве оба этих фильма не старые?

— Верно. Среди его работ мне нравится «Царствие небесное». Думаю, я смотрел его раза три.

— Пус… неважно.

— Ты ведь хотел сказать «пустая трата времени», верно?

— Нет.

Дэниел решил не заострять внимание на неловкой попытке Алека сгладить фразу.

— О чём он?

— Если совсем просто, о войне. Но, возможно, из-за того, что это фильм о религии, каждый раз, когда я его смотрю, он воспринимается по-разному. «Прометей» тоже был неплох, хотя и излишне жесток. «Падение Чёрного Ястреба» и «Марсианин» тоже понравились…Теперь, когда я это произношу, понимаю, что все они довольно старые.

То ли это было знанием работ любимого режиссёра, то ли неожиданно глубоким пониманием кино — как бы то ни было, Алек, которому не хватало подобного опыта, молча сосредоточился на словах Дэниела.

— По какой-то причине одна сцена из этого фильма надолго засела у меня в голове.

Фильм изображает крестовые походы вокруг святого города Иерусалима. Тогда, в двадцать два года, Дэниел впервые столкнулся с этой фразой.

В «Царстве небесном» главный герой после ожесточённой осады ведёт переговоры со своим заклятым врагом.

Приняв поражение, он стоит перед горой трупов и спрашивает Саладина — завоевателя, узурпатора и монарха — о ценности и смысле святой земли, которую тот защищал. Что такое Иерусалим?

Саладин твёрдо отвечает:

— Ничто.

Но вскоре он оборачивается и добавляет:

— Всё!

— Разве это не интересно? Великобритания — родина Формулы-1, а Сильверстоун — её «святая земля», но вокруг всё настолько непримечательно… Среди исторических трасс есть ещё Монако и Монца, но города рядом с ними великолепны. По сравнению с ними Сильверстоун не меняется и всегда остаётся таким пустынным. Вид спорта, которым я занимаюсь, — это, в конце концов, просто соревнование скорости. Суть в этом не особенно велика. Но…

— …

— Когда я пришёл в себя, это стало для меня всем.

Взгляд Алека, скрытый за солнечными очками, был направлен на Дэниела.

Человек за синими линзами часто цепляется за Формулу-1 так, будто у него больше ничего не осталось.

Он говорит так, словно никогда не представлял себя кем-то другим, кроме пилота Формулы-1, будто весь смысл его жизни заключён в этой «святой земле». И в то же время он, казалось, слишком хорошо понимал, насколько всё это в сущности бесплодно.

Он казался человеком, будто рождённым быть пилотом Формулы-1. Так почему же он так одержим этим видом спорта?

Что нужно сделать, чтобы такой человек улыбнулся тебе так же, как улыбается, поднимая трофей?

Столкнувшись с рядом вопросов, на которые трудно было ответить, Алек тихо застонал про себя.

Тем временем, пока он молча слушал, именно Дэниел начал нервничать.

«Я, кажется, увлёкся и сказал лишнее?»

И как раз в тот момент, когда он уже собирался разрядить атмосферу подходящей фразой:

— Наверное, спорт — не единственное, во что можно так погрузиться, даже если это «ничто».

— …

— Бизнес, в конечном счёте, каким бы грандиозным он ни казался, — это всего лишь способ вытягивать деньги из чужих карманов. Если говорить о сути и возвращаться к истокам, очень мало вещей можно по-настоящему возвышенно назвать великими. У меня нет таких озарений, и я не мыслю так глубоко, как ты, пилот Дэниел. С таким подходом работать нельзя. Я просто

применяю честные стандарты и быстро принимаю решения.

Алек посмотрел на предполагаемое время прибытия в навигаторе, затем перевёл взгляд на часы на запястье.

— Честные стандарты… ты про время?

— Если точнее — альтернативные издержки.

— Понимаю, ты занятой человек, но заходишь слишком далеко.

— Я знаю. Но время невозможно повернуть вспять, как бы ты ни старался, и то, что произошло за этот период, тоже нельзя отменить. Деньги могут решить многое и иногда сгладить последствия, но время — нет.

Его голос, опустившийся на октаву, звучал несколько мрачно.

http://bllate.org/book/17841/1739234